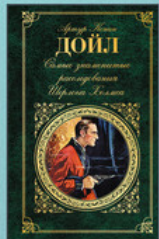

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477554

Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса / Артур Конан

Дойл: Э; Москва; 2017

Аннотация

«Айза Уитни, брат покойного Илайса Уитни, доктора богословия, ректора Богословского колледжа св. Георгия, был курильщиком опиума. Пристрастие это выработалось у него, насколько я понял, в результате глупой проказы, когда он еще учился в колледже. Прочитав у Де Куинси описание его грез и ощущений, он намешал в табак опия в попытке испытать что-нибудь подобное. Как многие и многие, он обнаружил, что привычку эту приобрести куда проще, чем от нее избавиться, и в течение долгих лет он оставался рабом этого наркотика, вызывая у своих друзей и родных ужас, смешанный с жалостью. Я словно вижу его сейчас перед собой, съежившегося в кресле: желтое одутловатое лицо, набрякшие веки и зрачки не шире булавочной головки – скорбные руины некогда благородного человека...»

Артур Конан Дойл

Человек с вывернутой губой

Айза Уитни, брат покойного Илайса Уитни, доктора богословия, ректора Богословского колледжа св. Георгия, был курильщиком опиума. Пристрастие это выработалось у него, насколько я понял, в результате глупой проказы, когда он еще учился в колледже. Прочитав у Де Куинси описание его грез и ощущений, он намешал в табак опия в попытке испытать что-нибудь подобное. Как многие и многие, он обнаружил, что привычку эту приобрести куда проще, чем от нее избавиться, и в течение долгих лет он оставался рабом этого наркотика, вызывая у своих друзей и родных ужас, смешанный с жалостью. Я словно вижу его сейчас перед собой, съжившегося в кресле: желтое одутловатое лицо, набрякшие веки и зрачки не шире булавочной головки – скорбные руины некогда благородного человека.

Как-то вечером (дело было в июне восемьдесят девятого года) мне в дверь позвонили примерно в тот час, когда, зевнув, бросаешь первый взгляд на часы. Я привстал в кресле, а моя жена положила рукоделие на колени с гримаской огорчения.

– Пациент! – сказала она. – Неужели тебе придется опять

уйти?

Я застонал, потому что только-только расположился отдохнуть после тяжелого дня.

Мы услышали скрип отворяющейся двери, торопливые слова, а затем быстрые шаги по линолеуму. Дверь нашей комнаты распахнулась, и в нее вошла дама, одетая в темный костюм и под темной вуалью.

– Простите мой поздний визит, – начала она, а затем, внезапно потеряв власть над собой, бросилась к моей жене, обняла ее за шею и разрыдалась у нее на плече.

– Ах, я в такой беде! – вскричала она. – Мне так нужна помощь!

– Так это же, – сказала моя жена, откидывая ее вуаль, – Кэт Уитни. Как ты меня напугала, Кэт! Когда ты вошла, я тебя не узнала.

– Я в полной растерянности и потому поспешила прямо к вам.

Естественно! Люди в горе устремляются к моей жене, точно птицы на свет маяка.

– Так мило, что ты здесь. А теперь выпей-ка вина с водой, сядь в кресле поудобнее и все нам расскажи. Или ты предпочтешь, чтобы я отослала Джеймса спать?

– Ах, нет-нет! Я нуждаюсь в совете доктора и в его помощи. Все из-за Айзы. Он не возвращается домой уже двое суток. Я так боюсь за него!

Она далеко не в первый раз рассказывала нам о беде сво-

его мужа – мне как врачу, моей жене как старой подруге еще со школы. Мы утешали и успокаивали ее, насколько было в наших силах. Знает ли она, где ее муж? Можем ли мы привезти его к ней?

Оказалось, что можем. Ей было твердо известно, что последнее время, когда потребность давала о себе знать, он отправлялся в курильню опиума на восточном краю Сити. До сих пор его загулы ограничивались одним днем, а вечером он возвращался, дергаясь всем телом, совсем разбитый. Но теперь загул длится уже двое суток, и он все еще, конечно, лежит там среди всякого портового сброда, вдыхая отраву или засыпая от ее воздействия. Она не сомневается, что его можно найти в «Золотом слитке» в переулке Аппер-Суондем-лейн. Но что ей делать? Как может она, молодая робкая женщина, посетить подобное место и вытащить своего мужа из притона, полного преступных негодяев?

Вот так обстояло дело, и, разумеется, выход был только один: не могу ли я проводить ее туда? И, пожалуй, надо ли ей вообще туда ехать? Я ведь врач Айзы Уитни и потому имею на него влияние. И мне будет легче увести его, если я буду один.

Я дал ей слово, что менее чем через два часа я отправлю его домой в кебе, если он действительно отыщется по адресу, который она мне дала. И через десять минут я расстался с моим креслом и уютной гостиной, поспешая в кебе для выполнения поручения на редкость странного, хотя, насколько

странным оно обернулось, показало будущее.

Но началось мое приключение без особых помех. Аппер-Суондем-лейн – это омерзительный проулок на задворках верфей, тянущихся по северному берегу реки на восток от Лондонского моста. Между лавкой старьевщика и кабаком крутые ступеньки вели к черному провалу, подобному входу в пещеру. Это и был притон, который я разыскивал. Велев извозчику подождать, я спустился по ступенькам, глубоко истертым на середине нескончаемой чередой заплетающихся ног, и в мигающем свете керосинового фонаря над дверью нащупал щеколду и вошел в длинное помещение с низким потолком, с воздухом, спертым от бурого опиумного дыма. Помещение это, будто полубак судна, везущего иммигрантов, пересекали деревянные помосты.

В сумраке глаз еле различал фигуры, распростертые в гротескных позах, сгорбленные плечи, согнутые колени, запрокинутые головы, торчащие вверх подбородки. Там и сям темные потускнелые глаза обращались на вошедшего. Среди черных теней маячили кружочки красного света, то вспыхивающего, то еле заметного, когда тлеющая в чашечках металлических трубок отравы то разгоралась, то почти угасала. В большинстве лежали они молча, некоторые бормотали что-то про себя, а третьи как будто вели разговоры странными, тихими, монотонными голосами; беседы их возникали порывами, а затем внезапно обрывались в молчание, причем каждый мямлил собственные мысли, не обращая внимания

на слова своих соседей. В дальнем конце стояла небольшая жаровня с горящим древесным углем, а перед ней на трехноглом деревянном табурете сидел высокий худой старик; положив подбородок на сжатые кулаки, упираясь локтями в колени, он неотрывно смотрел в огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.